

Ю. К. БЕГУНОВ

**Возможный источник одного из мотивов «Слова о погибели
Русской земли»**

В «Слове о погибели Русской земли» в известных словах «... и жюр Мануил царегородский опас имея, поне и великыя дары посылаша к нему (к Владимиру Мономаху, — Ю. Б.), абы под ним великий князь Володимер Царягорода не взял» далеко не все представляется ясным. Ведь Владимир Мономах (1113—1125) и византийский император Мануил Комнин (1143—1180) не были современниками. Еще И. Н. Жданов¹ обнаружил этот анахронизм. При этом хронологическую ошибку он объяснял тем, что автор «Слова о погибели» пользовался краткими византийскими хрониками, помещенными после «Никифорова летописца вскоре». В дальнейшем Д. С. Лихачев² проследил, как «Никифоров летописец вскоре» отражается и в Житии Александра Невского, и в «Слове о погибели», являясь источником ошибочной хронологии. А. Д. Седельников³ объяснял упоминание даров, присылаемых Мануилом Комниным, и сопоставление грозного Мономаха с императором Византии, испугавшимся могущества Руси, «фольклорным переживанием», литературным приемом, основанным на эпической традиции о Мануиле Комнине, «не лишенной насмешливого отношения к личности византийского императора».⁴ Большинство современных исследователей, обращающихся к «Слову о погибели», принимают точку зрения И. Н. Жданова и А. Д. Седельникова. Так, например, А. В. Соловьев⁵ считает, что автор, вспоминая южную политику Владимира Мономаха, впадает в очевидный анахронизм, допуская вместо имени Иоанна Комнина имя Мануила, ставшее популярным в русских былинах («царь Этмануйло Этмануйлович»). Строкой ниже А. В. Соловьев⁶ пишет, что автор вдохновлялся устными традициями и не придавал большого значения хронологии. А. Стендер-Петерсен⁷ замечает, что Мануил I не был в недружественных отношениях с Владимиром Мономахом или с его наследниками. Приведенный отрывок, по мнению

---

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 98.

² Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 41.

³ А. Д. Седельников. Эпическая традиция о Мануиле Комнине. — *Slavia*, гоѣ. III, с. 4. Прага, 1925, стр. 606—618.

⁴ Там же, стр. 617—618.

⁵ A. V. Soloviev. *Le Dit de la Ruine de la Terre Russe*. — *Byzantion*, t. XXII (1952) Bruxelles, 1953, стр. 124.

⁶ Там же («On voit que le poète s'inspirait de traditions orales et ne faisait pas grand cas de la chronologie»).

⁷ Ad. Stender-Petersen and Congrat-Butler. *Anthology of Old Russian Literature*. New York, 1954, стр. 176.

А. Стендера-Петерсена,⁸ содержит чисто фольклорный мотив присылки даров греческим императором. В литературе укрепилось мнение, что этот фольклорный мотив в «Слове о погибели» содержит первые следы легенды о Мономаховых регалиях.⁹ Таким образом, в литературе была объяснена хронологическая ошибка «Слова о погибели» и были сделаны предположения относительно связей мотива присылки даров с эпической традицией о Мануиле Комнине и с легендой о венце и бармах Мономаха. Но обнаружение источника хронологической ошибки («Никифорова летописца вскоре») и указания на связь мотива присылки даров с фольклором еще не показывают, для каких художественных целей автору «Слова о погибели Русской земли» нужно было сопоставлять императора Византии с Владимиром Мономахом. Нам представляется необходимым выяснить, случайно ли автор использовал «Никифоров летописец вскоре» и известие летописи о присылке на Русь даров в 1164 г. или хронологическая ошибка здесь была допущена по воле автора, который строил свою художественную концепцию и использовал для гиперболического изображения Владимира Мономаха некоторые устно-поэтические и книжные источники?

Исследователи «Слова о погибели» не обращали внимания на аналогичный мотив присылки даров византийским императором Мануилом Комниным царю и пресвитеру Иоанну в «Сказании» или «Повести об Индийском царстве». В ней рассказывается о том, что Мануил, царь греческий, отправил послов к Иоанну, царю и пресвитеру индийскому, с дарами и поручением узнать о его могуществе, о чудесах и о богатствах Индийского царства. Иоанн гордо и пренебрежительно отвечает, что если Мануил хочет узнать его силу и все чудеса его земли, то пусть продаст всю греческую землю и сам придет к нему на службу. А он сделает его вторым или третьим своим слугой. А если бы Мануил и был в десять раз выше, то все равно не описать ему со всеми его книжниками на харатье богатств Индийского царства, а цены царства Мануила не хватит даже на покупку харатьи. Далее идет пространное описание богатств сказочной Индии.

Черты образа Мануила Комнина в «Повести об Индийском царстве» в русской редакции имеют много общего с чертами Мануила в «Слове о погибели Русской земли». Мануил, а с ним и все греческое царство, испытывают большое унижение, не имея возможности сравняться в богатстве, силе, могуществе и правоте с Индийской и с Русской землей. Так же как в романе об Александре, идея противоположности между гордостью и высокомерием Дария, с одной стороны, и смирением и могуществом Александра, с другой, отразилась вполне и в «Повести об Индийском царстве» на сопоставлении Иоанна пресвитера и императора Мануила, и в «Слове о погибели» на сравнении Владимира Мономаха с Мануилом. Автор «Слова о погибели» даже не называет Мануила императором, а только «жур», т. е. господин. В так называемой «светской повести» об

⁸ Ad. Stender-Petersen and Congrat-Butler. *Anthology of Old Russian Literature*. New York, 1954, стр. 176 («The following passage, however, seems to indicate a purely epic folk motif of the Greek emperors veneration for the Russian princes was drawn into the poem»).

⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 96—98; Н. И. Серебрянский. *Древнерусские княжеские жития*. М., 1915, стр. 210; A. V. Soloviev. *Le Dit de la Ruine de la Terre Russe*, стр. 124; A. Stender-Petersen and Congrat-Butler. *Anthology of Old Russian Literature*, стр. 176; Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 3. Однако исследователи не объясняют, каким образом литературное сопоставление Владимира Мономаха с Мануилом Комниным в памятнике XIII в. вырастает до размеров большой легенды XV—XVI вв. присылки Константином Мономахом (1042—1055) царского венца, барм, золотой цепи, чаши и креста.

Алекса́ндре Невском, подобно «жюру Мануилу», спешившему задобрить Владимира Мономаха дарами, «абы под ним великий князь Володимир Царьгорода не взял», Батый, по словам биографа, с особой предупредительностью зовет к себе Александра Невского, чтобы убедиться «в чести его царства». Он оказывает необычную для русских князей честь Александру и дает восторженный отзыв о его красоте и силе.¹⁰ Однако некоторые черты образа Мануила в «Повести об Индийском царстве» не вполне совпадают с чертами Мануила в «Слове о погибели». Если в «Повести» Мануил посылает дары исключительно из чувства уважения и желания узнать величие, силу и чудеса Индийского царства, то в «Слове о погибели» Мануил посылает дары не из простого любопытства, а из опасения перед тем, как бы Владимир Мономах не взял Царьград. Данные русских летописей и византийских хроник не убеждают нас в том, что Владимир Мономах воевал с Византией и угрожал Царьграду,¹¹ принимал какие-либо подарки от византийских императоров¹² и что Мануил Комнин опасался похода русских на Царьград.¹³ Можно предполагать,

¹⁰ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 206.

¹¹ Лишь однажды в 1116 г. Владимир Мономах вмешался в междоусобную войну на стороне своего зятя, царевича Леона Диогена, против Алексея Комнина. Удержать занятые болгарские города по Дунаю русским не удалось (Ипатьевская летопись. — ПСРА, т. II. СПб., 1843, стр. 7—8; см. также: В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. — ЖМНП, 1875, XI, стр. 303, 311—315). Неясные сведения о вторжении пришельцев из Тавроскифии, половцев или скифов, в придунайские области и во Фракию до Филиппополя сообщают греческие историки Анна Комнин (см.: Византийские истории, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. Алексиада, кн. VI—VIII, XIV. СПб., 1860) и Никита Хониат (см.: там же, История Никиты Хониата. СПб., 1860, стр. 150). Эти события могли быть использованы в дальнейшем составителем Мономаховой легенды (см.: E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine 1057—1453. St. Petersburg, 1871, стр. 114—116; А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 32—33; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 477—478).

¹² В лицевом толстовском списке Никоновской летописи под 6622 г. приведен, как можно предполагать, сокращенный текст из «Сказания о князьях Владимирских». В других списках Никоновской летописи легенды о Мономаховых регалиях не содержится. В них современником Владимиром Всеволодовича назван Мануил Комнин (см.: Никоновская летопись. — ПСРА, т. IX. СПб., 1862, стр. 143—144). В XVII в. в Густынской летописи (ПСРА, т. II. СПб., 1843, стр. 290) и в Синописе имя Константина Мономаха было заменено именем Алексея Комнина (см.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 55—56). Сопоставление Владимира Мономаха то с Константином Мономахом, то с Алексеем, то с Мануилом Комнинами в позднейших летописях XVI—XVII вв. может говорить о том, что летописцы не имели древних записей легенды и пользовались «Сказанием о князьях Владимирских».

¹³ Мануил Комнин посылал к киевскому князю Ростиславу Мстиславовичу своего родственника Мануила в 1165 г., «с оксамоты и паволоки и вся узорочья разноличная», с просьбой принять митрополита Иоанна на Русь и оказать военную помощь Византии против Венгрии (Ипатьевская летопись, стр. 92; Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. История Иоанна Киннама, кн. V. СПб., 1859, стр. 257, стр. 260). О посольстве Мануила на Русь см. также следующие работы: А. А. Куник. Основание Трапезундской империи. — Ученые записки имп. Академии наук, 1854, II, стр. 709—711; E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine 1057—1453, стр. 186; К. Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII веке, Варшава, 1889, стр. 327; F. Claveland. Jean II Comnène et Manuel I Comnène, II. Paris, 1912, стр. 481, прилож. 5; С. П. Шестаков. Византийский посол на Русь Мануил Комнин. — Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 366—381. Мануил Комнин устанавливал дипломатические связи с князьями Владимирко Володаровичем, Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским, Ярославом Осмомыслом, Ростиславом Мстиславовичем, Всеволодом Большое Гнездо, как можно предполагать, с целью навязать свой сюзеренитет Руси. Похода русских на Царьград ему вряд ли стоило опасаться (см.: G. Vernadsky. Relations byzantino-russes au XII siècle. — Byzantion, IV (1927—1928), Liège, 1929, стр. 272—279; A. A. Vasiliev. Was old Russia a Vassal state of Byzantium? — Speculum, vol. VII, № 3, July, 1932; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений, стр. 490 и сл.).

что автор «Слова о погибели» в мотиве присылки даров несколько отошел от точного следования историческим фактам. Так как «Повесть об Индийском царстве» явилась на Руси через посредство сербского перевода одной из латинских редакций «Послания пресвитера Иоанна» в конце XII или в начале XIII в.,¹⁴ то можно предполагать, что автор «Слова о погибели» был знаком с «Повестью об Индийском царстве» и мог использовать из нее мотив присылки даров и унижения Мануила перед легендарным Иоанном. Стремясь изобразить Мануила Комнина не только раболепствующим, но и опасующимся Мономаха, автор «Слова», как можно думать, не удовлетворился своим знакомством с книжным источником и, очевидно, был знаком еще с какими-то другими источниками, связанными с народно-поэтической традицией о Мануиле Комнине. Эпос, следы которого сохранились в былинах (например, в былинах о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче), в летописях, в «Песне о Романе», в «Повести об Индийском царстве», уподобляет Мануила то незадачливому воину или послу, то царю, не сумевшему сосчитать богатства Индийского царства.¹⁵

Итак, мы поддерживаем точку зрения А. Д. Седельникова, считавшего, что в «Слове о погибели» отразилась старшая эпическая традиция о Мануиле, проникнутая народным, слегка насмешливым отношением к личности византийского императора.¹⁶ Но А. Д. Седельников не заметил, что эта эпическая традиция имеет свою литературную историю и что «Повесть об Индийском царстве» в какой-то мере может считаться одним из источников мотива присылки даров в «Слове о погибели». Использование автором «Слова о погибели» книжного источника («Повести об Индийском царстве») и, возможно, не дошедших до нас устно-поэтических источников помогло ему гиперболизировать образ Владимира Мономаха. Место литературного сопоставления Мануила и Владимира Мономаха в раскрытии основных идей «Слова о погибели» может быть определено. После замечательной картины красот и богатств Русской земли, данной в первой части «Слова о погибели»,¹⁷ после перечисления народов, подвластных Владимиру Мономаху, во второй части заключительные слова о том, что даже Византия была вынуждена склониться перед Русской землей, звучали лебединой песней былому могуществу Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. А далее уже следовал рассказ о ее погибели.

¹⁴ В. М. Истрин. Очерки по истории древнерусской литературы. Пгр., 1922, стр. 108; М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве. — ИОРЯС АН СССР, 1930, т. III, кн. 2, стр. 464.

¹⁵ А. Д. Седельников. Эпическая традиция о Мануиле Комнине, стр. 606—618.

¹⁶ Там же, стр. 618.

¹⁷ Мы здесь принимаем гипотезу А. В. Соловьева о трехчастном делении «Слова» (см.: А. В. Soloviev. Le Dit de la Ruine de la Terre Russe, стр. 119).